

Елена ИЛЛЕШ

СЕКРЕТЫ ПОВЕЛИТЕЛЯ НИМФЕЙ

Рытаясь разобраться в том, что же меня больше всего потрясло в саду Александра Марченко, я выделила четыре главных источника изумления: во-первых, масштаб творения, во-вторых – его многоплановость, затем – сногсшибательный внешний вид растений. Но главное – сам хозяин.

Александр Марченко, безусловно, принадлежит к числу самых известных VIP-персон современной садовой элиты: читатели журналов знают его по статьям о нимфеях и прочих водных растениях, самодеятельные садоводы – по первоклассному посадочному материалу, а профессиональные ландшафтники и телеоператоры постоянно эксплуатируют питомник Марченко в целях услады капризных заказчиков и зрителей. Но широкая известность вовсе не помогает понять человека, наоборот, только запутывает дело. А дело более чем серьезное: почти три гектара общедоступного парка. Ворота – настежь, а хозяин – «под замком».

Творческий метод

Пристрастный допрос на тему: «Каковы истоки творчества, откуда ориентиры и где точки роста?» – наткнулся на сплошные отрицания. Интервьюируемый категорически отказывался признать какое-либо книжное воздействие или влияние картин и образов чужестранных садов. Оправдывался интуицией, озарениями и снами.

Формулировал примерно так: «В свое время я хотел сделать русский сад. Пока наконец не понял, что никакого русского сада нет в помине. В Европе есть, а у нас нет. Причин много: менталитет, трудности климата. К тому же наша природа и без того хороша! В Европе – другое дело. Она плотно заселена, сплошь застроена, и люди искусственно создают иллюзию природы, строят сады. А нам это делать было незачем».

Отложим возражения до следующего раза, продолжим допрос с пристрастием.

– И что, не было никакого плана сада, никаких расчетов?

– Разумеется, нет, предпочитаю импровизацию. В свое время я решил сделать универсальный сад. Сейчас у меня есть все: есть симметрия и есть природный стиль, есть вода, камни, пустыня, есть сад суккулентов, сад злаков, есть коллекция ив и ирисов.

На плавучем острове (на сваях) я сделал почти настоящее северное болото: мхи, вереск, кальмия, подбелы, мирт, клоква, брусника, голубика. А что касается водных растений – то у меня есть все, чего может пожелать душа...

Вот вчера я гулял по саду и увидел, что расцвели мальвы. Я пересадил их месяц назад, не зная ни сорта, ни цвета. А вот расцвели, и я безо всякой скромности подумал – с каким вкусом подобраны!

Эту беседку построил недавно, вокруг делаю новый сад. Пока не скажу, что именно здесь бу-

дет, секрет. Саму беседку долго не мог придумать, пока не увидел во сне. Увидел и решил: каждая сторона беседки будет служить рамой, и со всех четырех сторон разные пейзажи.

– Пусть будет называться «Сад четырех картин», – предложила я.

– Ну пусть, – милостиво согласился хозяин. И подвел черту под обсуждавшейся темой: «Не было на меня никакого влияния, я делаю все сам и для себя, как я вижу. Именно поэтому никогда не возьмусь за строительство чужого сада, отказываюсь даже от консультаций».

Завершая сюжет «алгебры и гармонии», мы поднялись на верхнюю точку сада – к «Храму воздуха и света», как называет эту ротонду Александр.

– Здесь у меня оптический фокус. Когда вы смотрите снизу, то видите белый холм. А сверху мраморной крошки не видно, сплошная вода.

– Но это сооружение как-то рассчитывалось, планировалось, были чертежи?

Нет. Делал – не получалось – переделывал. Методом проб и ошибок.

Тем временем я ничего не могла поделать со своим внутренним голосом, который нашептывал очевидный ассоциативный ряд – усадебные колонны, акварели Болотова, античная симметрия, выжженная солнцем египетская белизна. Честно сказать, мои симпатии тоже принадлежат скорее творческому озарению, нежели строгости планирования. Но все-таки я никак не могу избавиться от мысли, что интуиция натощак не работает. Ее нужно все время подкармливать...

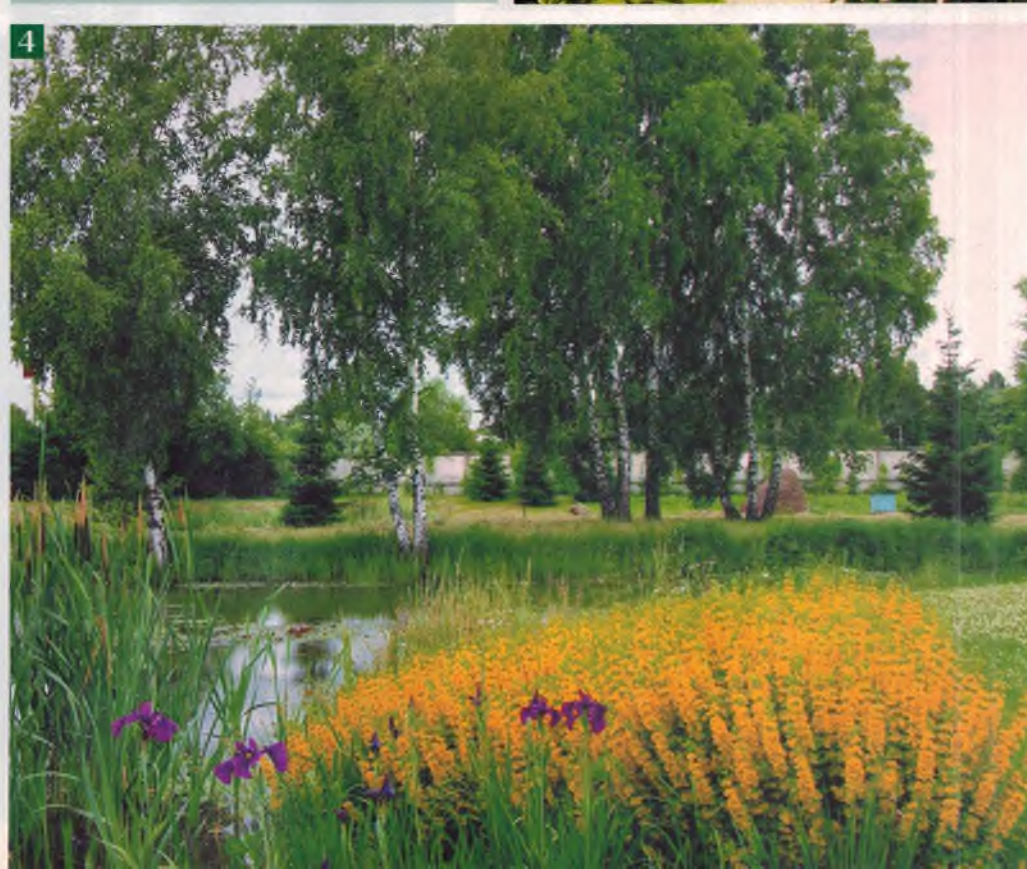
История сада

Самый ошеломляющий эффект в этом саду производит, разумеется, вода. Зеркало всех прудов и водоемов, как утверждает хозяин, в сумме составляет примерно гектар. Это больше чем треть сада. Участок земли стал собственностью Марченко в 1992 году, фотодокументов не сохранилось. Согласно устным описаниям «здесь была просто свалка, никакого рельефа, никакой воды не было, а фотографий не осталось, потому что тогда и денег на камеру тоже не было. Землю я получил под фермерское хозяйство, выращивал по 40 тонн кабачков, кормил окрестные школы, больницу. Картошку сажал, капусту брал по 60 тонн с гектара. Теперь жалею о том времени – оно было потрачено напрасно.

Сейчас, слава Богу, разведение цветов и растений тоже стали помаленьку считать сельским хозяйством. Так что мой «Парк нескольких садов» возник не сразу, он еще очень молод. Поначалу было тяжело – воровали, хулиганили. Чего я только не пробовал: колючую проволоку натягивал, собак спускал. Ничего не помогало. Тогда поступил по-другому – открыл ворота и начал работать с местными пацанами, стал читать им лекции, рассказывать о растениях. Помогло! Теперь они сами с важным видом проводят экскурсии. С тех пор ворота всегда открыты. А людей приезжает очень много: автобусы со ста-

1 – «Храм воздуха и света»
2 – Дом в ангаре
3 – Вид на владения из окна
4 – Ирисы цвели повсюду

1

риками, с больными детьми. Есть постоянные посетители, утверждают, что мой сад лечит и вселяет бодрость духа.

– А одному побыть не хочется?
– «Мои» всегда утро и вечер, – самое красивое время.

История садовника

По образованию Александр Марченко ветеринарный врач, учился в Барнауле. На третьем курсе потряс научное сообщество тем, что открыл до тех пор неизвестное грибковое заболевание, которое поражает форель. За право заполучить толкового студента боролись аспирантуры Москвы и Ленинграда. Столица победила, и кандидатскую диссертацию Александр защищал в МГУ, на кафедре низших растений. Поскольку грибок – растение, Марченко из ветеринара стал ботаником, что подтверждено записью в дипломе.

Александр родился в многодетной (девять детей!) семье в сибирской деревне, вырос на Алтае. Вспоминает, что часто бегал за несколько километров смотреть на сосну – вечнозеленые растения были редкостью. Как чудо воспринимал новогоднюю елку. А первый бассейн сделал в 11 лет. «Недавно ездил в свою деревню, подошел к дому, там живут чужие люди, но сквозь снег увидел кольцо своего бассейна. Хозяин сказал, что бассейн цел и с ним возятся дети».

Ничего не скажешь – жизненный путь эффектен, а Марченко – успешен, красив и талантлив. Но почему-то печален. Последнее впечатление усиливают стихи, которые он начал писать недавно, а жанр определил как «пессимистическую лирику»:

*Бездонные ночные небеса
С пылинками гигантских звезд
В душе уже не пробуждают грез.
Не встретил я любви земной,
И веры нет,
Что может быть любовь иной...*

Чтобы я вместе с его стихами не погрузилась в тоску слишком глубоко, Александр успокоил меня:

– Не надо думать, что жизнь моя однообразна. Я живу разными жизнями – и в шумном обществе, и наедине с землей.

Похоже, он подталкивал меня к мысли, что он сам так же полифоничен и разносторонен, как его сад, где есть место и страстному ликованию, и расслабленному созерцанию.

А я про себя вспоминала где-то прочитанное: считается, что жителей Венеции легко узнать в любой толпе. Они меланхоличны,

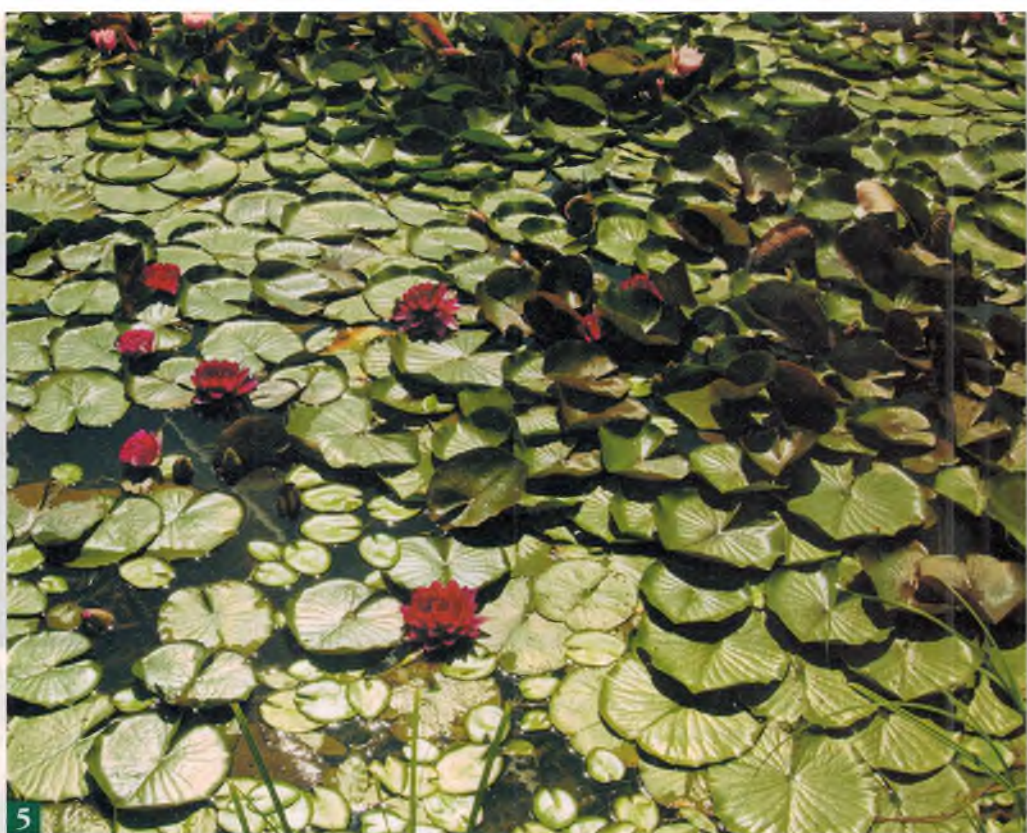
2

3

4

- 1 – Вид из беседки в «Саду четырех картин»
- 2 – Так выглядит «строгий» сад из верхней точки, из «Храма воздуха и света»
- 3 – Уставшему от симметрии взгляду есть на чем отдохнуть
- 4 – Не исключено, что стихи приходят к садовнику именно здесь
- 5 – Куда ни глянь, кругом нимфеи

печальны и погружены в себя. Такими их делает вездесущая вода, ее движение и звуки. Именно вода провоцирует склонность к самоуглублению, размышлениям и медитации.

Остался еще один ключ, испытанный и проверенный, – дом, который, как известно, многое может рассказать о владельце. На этот раз ключ не сработал, точнее, повернулся не в ту сторону и еще надежнее спрятал хозяина от любопытных глаз и вопросов. Начнем с того, что дома вовсе нет. Ему отказано в прямом назначении – подчинить себе окружающую среду, быть центром сада. Дом притаился в самом углу участка и попросту невидим, что неудивительно: он построен внутри металлического ангара. В стенах ангара на уровне окон прорезаны прямоугольные отверстия. Их не сразу заметишь, поскольку они надежно закрыты (по крайней мере летом) занавесями из девичьего винограда. Эти занавеси, кстати, еще один покров, который скрывает тайны хозяина и его сада. Но об этом ниже.

Пристрастия ботаника

Совершенно очевидно, что царица бала – нимфея. Ей подчинена геометрия и пластика сада, она, как я полагаю, и разоряет, и кормит хозяина. А он с нежностью перебирает ее научные и не очень имена и клички: кувшинка, водяная лилия, нимфея, одолень-трава, и, разумеется, признается в любви: «Ей нет равных по красоте и длительности цветения». Нимфеи везде: в прямоугольных демонстрационных корытах, в кругах и квадратах, в прудах естественных и приподнятых, в пластике, в бетоне, в дереве, в пышных кордебалетах и во впечатляющих соло.

У этой любви есть свои секреты. Главный – внешний вид любимой: никаких признаков недоедания, никаких видимых следов посягательств на роскошные цветки и листья со стороны вредной мелочи типа тли. Секрет надежно спрятан на дне контейнеров, в много-

1

2

слоном субстрате, рецепт составления которого знает только он, повелитель нимфей.

Со всем остальным населением сада здесь особо не церемонятся: «Я ничего не поливаю, ничего не стрижу. Что выживет – то останется. Ивы почему круглые? Сами по себе. Начал собирать коллекцию ив алтайской селекции. Оттуда же, с Алтая, моя коллекция японских ирисов. Ирисы сажаю просто среди травы. Когда цветут – глаз не оторвать». Что касается глаз, то они разбегаются: за каждым поворотом, под каждой кочкой новая картина, необычное растение, неожиданная красота. Иногда преградой глазу встает виноградная ширма (1). Девичий виноград, как оказалось, соперничает с самой нимфесей за место в сердце садовника: «Я даже придумал название для статьи, которую когда-нибудь напишу – «Отвергнутые Москвой, прославленные Пекином». К ненаписанной статье уже подобраны впечатляющие иллюстрации: в городском озеленении Пекина в самом деле винограду отдана первая скрипка. Он растет каскадами вниз, поднимается по стенам вверх, заменяет газон, огораживает, защищает и украшает.

А Марченко продолжает: «Виноградные шпалеры – мое ноу-хау. Известно, что лианы не растут первые три года. Я взял эти годы на себя. На четвертый ставлю контейнер под шпалеру, надеваю лиану на сетку. А потом продаю контейнер вместе с сеткой. Покупателю остается только расправить ширму, и изгородь готова» (2).

Еще об изумлении

Возвращаюсь к тому, с чего начинала. К главному эмоциональному итогу посещения сада Марченко – к изумлению. За это – отдельное спасибо! В наше время так мало осталось удивительного – куда больше плоского, предсказуемого и очевидного. Не только, кстати говоря, в садах, что удручает еще больше. Так что да здравствуют секреты! Любого уровня и степени сложности – от агротехнических до психологических, от оптических до инженерных.

Фото автора, Александра МАРЧЕНКО
и Антона ДУБЕНЮКА

